

УДК 167.7

DOI: 10.34670/AR.2021.22.70.020

Демократическая эпистемология и проблема экспертизы

Шевченко Александр Анатольевич

Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник,

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Аннотация

В статье представлен краткий анализ некоторых проблем политической философии, которые объединяет так называемый «эпистемический поворот». Отмечены недостатки процедурных подходов в политической философии, негативные следствия отказа от внешних содержательных критериев для оценки теорий, в частности таких, как эффективность, обоснованность, истинность. Рассмотрены феномен и виды эпистемической справедливости – «свидетельская» (тестимониальная) и герменевтическая. Особая важность последней объясняется тем, что коллективные предрассудки блокируют эпистемические ресурсы, необходимые для понимания и обсуждения как индивидуального, так и коллективного опыта. В связи с тематикой эпистемической справедливости рассматриваются две смежные темы – проблема экспертизы и феномен постправды. Показана эвристичность «доброжелательной» концепции постправды С. Фуллера, в рамках которой радикальная демократизация знания в принципе позволяет решить проблему эпистемической несправедливости путем нивелирования статуса носителей знания. Однако цена такого уравнивания оказывается слишком высокой и требует полного пересмотра традиционной системы экспертизы.

Для цитирования в научных исследованиях

Шевченко А.А. Демократическая эпистемология и проблема экспертизы // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 180-185. DOI: 10.34670/AR.2021.22.70.020

Ключевые слова

Демократия, эпистемический поворот, эпистемическая справедливость, процедурный подход, знание, экспертиза, постправда.

Введение

В современной политической теории все чаще говорят об «эпистемическом повороте» [Landemore, 2017; Räber, 2020], который характеризуется растущей неудовлетворенностью процедурными подходами, ставшими особенно популярными после выхода в свет «Теории справедливости» Дж. Ролза [Ролз, 1995]. Альтернатива видится в возвращении к традиционному эпистемологическому инструментарию, прежде всего таким категориям, как истина, знание, обоснование.

Анализ проблем, связанных со знанием, истиной, обоснованием, невозможен вне социальных контекстов, в которых эти процессы имеют место. Отличительной чертой этих процессов является то, что они разворачиваются на фоне конфликтующих интересов людей – как индивидов, так и групп. Если говорить об эпистемическом плане, то это в первую очередь борьба за эпистемический статус, признание в роли авторитетного носителя знания или эксперта. На языке этики это проблема «эпистемической справедливости» [Fricker, 2009], поскольку обсуждение статуса и взаимодействия участников политического процесса требует должного уважения к человеку как субъекту знания. В теоретико-политическом ключе это, прежде всего, проблема демократизации знания, что наглядно проявляется в феномене «постправды» и ставит под угрозу традиционный институт экспертизы [Николс, 2019].

Основная часть

В последние десятилетия широкое распространение в либеральной политической теории получили делиберативные подходы, в частности делиберативные теории демократии [Schwartzberg, 2015]. Такие подходы по сути являются процедурными, так как в основе лежит та или иная процедура коллективного рассуждения и обсуждения, часто моделирующая ситуацию заключения общественного договора. Число содержательных посылок минимально, принимается только некоторая степень рациональности участников, а также (в демократической парадигме) такие ключевые предпосылки политического дискурса, как равенство, открытость, честность, взаимное уважение. При этом «внешние» содержательные соображения, такие как эффективность принимаемых решений, их обоснованность и истинность, могут игнорироваться. Процедурные подходы обязаны своей популярностью прежде всего новаторской методологии теории справедливости Дж. Ролза. Этот процедурный подход, когда при минимальном количестве содержательных допущений происходит конструирование масштабной концепции справедливости посредством процедуры гипотетического рационального обсуждения, стал образцом для многих работ подобного рода.

Перенос акцента с содержания на процедуру в современной либеральной теории во многом был вынужденным, поскольку одним из центральных ее постулатов является признание плюрализма, невозможности достижения согласия по поводу какой-то одной концепции «хорошей жизни». Важной особенностью такого политического конструирования является то, что и в политической теории участники демократического обсуждения вынуждены разрешать свои конфликты и противоречия, не апеллируя к понятию «истина», но лишь на основе взаимного признания некоторых – самых общих – принципов и правил договорной ситуации [Rawls, 1996, 11-15]. Соответственно, и роль других эпистемических процессов, таких как обоснование, аргументация, различение знания и мнения, почти автоматически сводится к нулю. Одним из следствий такого отказа является то, что сама легитимность процесса принятия демократических решений (или заключения гипотетического общественного договора) может

быть поставлена под сомнение, поскольку в рамках процедурного подхода участников интересует только соблюдение некоторой согласованной и общепринятой процедуры. При таком подходе не учитывается то, что любое политическое устройство не самодостаточно, а выполняет еще и важные инструментальные функции. Так, любая смоделированная политическая конструкция должна будет заниматься решением важнейших проблем, связанных с экономикой, экологией, производством общественных благ. Соответствующие решения внутри модели неизбежно должны будут оцениваться не только с точки зрения корректного соблюдения процедуры их принятия, но и по тому, насколько они эффективны в решении соответствующих проблем.

Еще один аспект, который необходимо учитывать, – коммуникативный. В политике мы имеем дело с политическими субъектами самых разных типов и уровней, объединить которых может только общий политический дискурс. Но любой предметный дискурс нуждается в возможности различения мнения и знания, истины и лжи, т. е. потребует соответствующего эпистемического инструментария. Необходим он не только для конструирования теоретической модели, но и для сравнительной оценки эффективности политических институтов, которая определяется тем, насколько успешно они решают стоящие перед ними проблемы, в частности по производству общественных благ.

Другой важный аспект политической эпистемологии – уровень не индивидуальных субъектов, а политических институтов. Здесь в первую очередь важны проблемы «эпистемической компетентности» этих политических институтов, что иногда называют «институциональной эпистемологией» [Anderson, 2006, 8]. Это вопросы о том, какого рода институты лучше всего обеспечивают «эпистемическую компетентность» и какие меры могут повысить их эффективность. Данные проблемы особенно актуальны, когда мы работаем с распределенной информацией и «распределенными» субъектами, что имеет место в демократических политических режимах.

Одним из условий такого «эпистемического сотрудничества» индивидов в демократическом обществе является их равенство как источников и субъектов знания, что поднимает тему эпистемической справедливости. Самым общим толкованием эпистемической несправедливости можно считать следующее: эпистемическая несправедливость – это несправедливость по отношению к человеку, выступающему в качестве источника знания (*knower*) [Fricker, 2009]. При этом выделяются два вида такой несправедливости – «свидетельская» (*testimonial*) и «герменевтическая» (*hermeneutical*). В первом случае имеется в виду несправедливое отношение к собеседнику, участнику коммуникации, отношение без должного уважения, доверия или даже прямое отрицание его эпистемического статуса. Такое отношение часто является проявлением более общего предрассудка, например расового, классового или гендерного. При этом индивид всегда является членом некоторой социальной группы или сообщества, и то, что может выглядеть как индивидуальное поведение или отношение, может оказаться частью системы стереотипов и предрассудков и когнитивных ограничений, свойственной представителям социальной группы. Стандартным примером эпистемической герменевтической несправедливости считаются, например, сексуальные домогательства в тех культурах или сообществах, где это понятие отсутствует как коллективный герменевтический ресурс, позволяющий такое поведение проблематизировать и обсуждать [Hänel, 2021]. Для политических взаимодействий важны обе разновидности эпистемической справедливости: справедливость индивидуальных взаимодействий и справедливость структурная. Под нарушением структурной справедливости понимается системная дисфункция, требующая решения на системном уровне в соответствии с ключевым

постулатом Дж. Ролза, согласно которому «справедливость есть первая добродетель общественных институтов» [Ролз, 1995, 19]. Андерсон называет такое решение – структурное лекарство в виде групповой интеграции – «добродетелью эпистемических институтов». В качестве средства такой интеграции она предлагает совместную образовательную деятельность различных социальных групп на условиях равенства, что позволяет всем участникам процесса получить равный ресурс доверия благодаря равному доступу к образовательным и информационным возможностям [Anderson, 2012, 171-172].

При этом демократизация знания может представлять и серьезную проблему для существующего порядка вещей, в частности для традиционного института экспертизы. В этом плане показателен подход известного современного эпистемолога С. Фуллера, имеющий непосредственное отношение к проблемам эпистемической (не)справедливости, экспертизы и эпистемической демократии [Fuller, 2018]. Он признает, что феномен постправды обычно связывают с девальвацией экспертизы и экспертного знания, умножением числа самопровозглашенных экспертов, заявляющих о своем праве на производство истин. В отличие от большинства социальных теоретиков, рассуждающих о постправде исключительно как о социальном зле, средстве обмана и манипуляции, оценка Фуллера не столь однозначна. В его доброжелательной интерпретации этот феномен представлен как инструмент, позволяющий не только максимально демократизировать доступ к знанию, но и уравнивать в правах источники знания и его носителей. По его мнению, привычные атрибуты академических экспертов, такие как сертификаты, дипломы и мантии, служат лишь прикрытием для защиты корыстных профессиональных интересов, а само «экспертное знание» является лишь инструментом получения академической ренты.

При этом оснований сохранять такое положение дел все меньше, так как в современных демократических обществах доля людей, получивших университетское образование, как никогда высока. Кроме того, эти человеческие ресурсы объединены сейчас в самые разные социальные сети, прежде всего посредством информационных технологий. Доступ к информации уже не требует академических или корпоративных привилегий. Соответственно, все меньше оснований индивиду или группе претендовать на особый или исключительный статус эксперта. В ситуации постправды меняется и оценка политических и научных институтов, которые начинают восприниматься не как институты знания, а как корпоративные защитные механизмы, оберегающие получателей ренты за знание от демократической конкуренции.

Заключение

Насколько эта интерпретация постправды как демократизации знания служит интересам эпистемической справедливости? Конечно, такой радикальный отказ признавать статусы и привилегии, которые дают традиционные дипломы и звания, представляет собой самую настоящую эпистемическую «демократическую революцию». Такой отказ автоматически устраняет и проблему дискриминации источников и носителей знания, уравнивая их эпистемический статус. Эпистемический вклад каждого становится одинаково ценен при отсутствии социально принятых процедур ранжирования. Возникает «эпистемический шум», в котором очень трудно ориентироваться. Проблема эпистемической справедливости в демократическом обществе тесно связана с широко обсуждаемой сейчас проблемой экспертизы, и любые радикальные решения по выравниванию эпистемического статуса источников и субъектов знания, например в виде отмены академической ренты, неизбежно приведут к

необходимости тотального пересмотра существующей системы экспертизы.

В целом же следует отметить несколько позитивных следствий «эпистемического поворота» для политической теории. Во-первых, «возвращение истины» возвращает политическому процессу целесообразность, дает возможность измерять прогресс с помощью независимых объективных критериев, находящихся за рамками самой процедуры обсуждения. Во-вторых, это открывает новые перспективы как для политической практики, так и для теоретических исследований. Становится возможным оценивать сравнительную эффективность процессов обсуждения и других демократических процедур, изучать то, каким образом подтверждается действенность принятых мер «в реальном мире». Кроме того, развитие эпистемического дискурса дает возможность усилить и обновить политическую аргументацию, сохранив наиболее ценные идеи процедурных подходов последних десятилетий.

Библиография

1. Николс Т. Смерть экспертизы. Как Интернет убивает научные знания. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: НГУ, 1995. 536 с.
3. Anderson E. Epistemic justice as a virtue of social institutions // *Social epistemology*. 2012. Vol. 26. No. 2. P. 163-173.
4. Anderson E. The epistemology of democracy // *Episteme*. 2006. Vol. 3. No. 1-2. P. 8-22.
5. Fricker M. Epistemic injustice: power and the ethics of knowing. Oxford University Press, 2009. 208 p.
6. Fuller S. Post-truth. Knowledge as a power game. Anthem Press, 2018. 218 p.
7. Hänel H. Who's to blame? Hermeneutical misfire, forward-looking responsibility, and collective accountability // *Social epistemology*. 2021. Vol. 35. No. 2. P. 173-184.
8. Landemore H. Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy // *Social epistemology*. 2017. Vol. 31. No. 3. P. 277-295.
9. Räber M. Knowing democracy – a pragmatist account of the epistemic dimension in democratic politics. Springer, 2020.
10. Rawls J. Political liberalism. Columbia University Press, 1996. 401 p.
11. Schwartzberg M. Epistemic democracy and its challenges // *Annual review of political science*. 2015. Vol. 18. P. 187-203.

Epistemic democracy and the problem of expertise

Aleksandr A. Shevchenko

Doctor of Philosophy,
Leading Researcher,

Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, 8, Nikolaeva str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Abstract

The paper presents the results a brief analysis of some key problems of contemporary political theory which are brought to light by the ongoing “epistemic turn”. It highlights the drawbacks of post-Rawlsian procedural approaches to constructing political theories resulting in abandoning external substantive criteria for theory evaluation, including efficiency, justification, truth. The author of the article makes an attempt to study the phenomenon and two kinds of epistemic justice – testimonial and hermeneutical. The latter is important due to the fact that collective communal and societal prejudices block epistemic resources required for understanding and discussing both individual and collective experience. The article pays attention to the fact that the study of epistemic

Aleksandr A. Shevchenko

justice requires the consideration of the problem of expertise and the phenomenon of post-truth. The author supports the charitable interpretation of post-truth offered by S. Fuller. Having dealt with epistemic democracy and the problem of expertise, he comes to the conclusion that radical democratization of knowledge can, in principle, solve the problem of epistemic injustice by levelling down all knowing subjects. However, the price of this solution is very high, as it requires a complete overhaul of the traditional system of expertise.

For citation

Shevchenko A.A. (2021) Demokraticeskaya epistemologiya i problema ekspertizy [Epistemic democracy and the problem of expertise]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (5A), pp. 180-185. DOI: 10.34670/AR.2021.22.70.020

Keywords

Democracy, epistemic turn, epistemic justice, procedural approach, knowledge, expertise, post-truth.

References

1. Anderson E. (2012) Epistemic justice as a virtue of social institutions. *Social epistemology*, 26 (2), pp. 163-173.
2. Anderson E. (2006) The epistemology of democracy. *Episteme*, 3 (1-2), pp. 8-22.
3. Fricker M. (2009) *Epistemic injustice: power and the ethics of knowing*. Oxford University Press.
4. Fuller S. (2018) *Post-truth. Knowledge as a power game*. Anthem Press.
5. Hänel H. (2021) Who's to blame? Hermeneutical misfire, forward-looking responsibility, and collective accountability. *Social epistemology*, 35 (2), pp. 173-184.
6. Landemore H. (2017) Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy. *Social epistemology*, 31 (3), pp. 277-295.
7. Nichols T. (2017) *The death of expertise: the campaign against established knowledge and why it matters*. Oxford University Press. (Russ. ed.: Nichols T. (2019) *Smert' ekspertizy. Kak Internet ubivaet nauchnye znaniya*. Moscow: Eksmo Publ.)
8. Räber M. (2020) *Knowing democracy – a pragmatist account of the epistemic dimension in democratic politics*. Springer.
9. Rawls J. (1971) *A theory of justice*. Belknap Press. (Russ. ed.: Rawls J. (1995) *Teoriya spravedlivosti*. Novosibirsk: Novosibirsk State University.)
10. Rawls J. (1996) *Political liberalism*. Columbia University Press.
11. Schwartzberg M. (2015) Epistemic democracy and its challenges. *Annual review of political science*, 18, pp. 187-203.